

ИСТОРИЯ НАУКИ

“ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ” И НАЧАЛО ИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

П. Лозовиук

Петр Лозовиук | <https://orcid.org/0000-0002-6053-4990> | lozoviuk@ksa.zcu.cz | PhD,
заведующий кафедрой антропологии философского факультета | Западночешский уни-
верситет (Sedláčkova 15, CZ-301 00, Пльзень, Чешская республика)

Ключевые слова

этнические мигранты, история этнографии, немцы Бессарабии, Йозеф Ханика, Чехия

Аннотация

“Этнических мигрантов” можно рассматривать как участников специфического типа миграции, для которого характерно институциональное и материальное упрощение принимающей страной условий миграционного движения исключительно на основе этнического происхождения мигрантов. При этом заявленное такими мигрантами этническое происхождение, как правило, совпадает с этническим происхождением титульной нации, находящейся в принимающей стране. Цель данной статьи – отобразить способ реализации и методологические предпосылки одной из первых попыток этнографического анализа так наз. этнических мигрантов и передать, как тематические и методологические направления вышеупомянутого научного подхода привели к теоретическим инновациям немецкоязычной этнологии послевоенного периода. В качестве примера будут представлены исследования исчезающих этнографических феноменов, проведенные среди бессарабских переселенцев немецкого происхождения на территории тогдашнего протектората Богемии и Моравии.

Информация о финансовой поддержке

Исследование было проведено в рамках проекта “SGS-2022-029” Западночешского университета в г. Пльзень (Чешская Республика).

“Этнических мигрантов” можно определить как участников специфического типа миграции, для которого характерно институциональное и материальное упрощение принимающей страной условий миграционного движения на основе этнического происхождения мигрантов. При этом заявленное такими мигрантами этническое происхождение, как правило, совпадает с этническим происхождением титульной нации, находящейся в целевой стране. Этот способ массового переселения следует обозначить как *novum* XX в.

Статья поступила 28.09.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 21.10.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Лозовиук П. “Этнические мигранты” и начало их этнографического изучения в Центральной Европе // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 141–157. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010098> EDN: PMWVKE

Lozoviuk, P. 2023. “Etnicheskie migranty” i nachalo ikh etnograficheskogo izucheniia v Tsentral’noi Evrope [On “Ethnic Migrants” and the Beginning of Their Ethnographic Study in Central Europe]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 141–157. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010098> EDN: PMWVKE

и, наряду с созданием национального государства в качестве модели государственного устройства, можно напрямую связать как с политическими событиями того времени, так и с экономическим неравенством, существующим между разными государствами. Несмотря на то, что практика привилегирования мигрантов по принципу их этнического происхождения – довольно распространенное явление для многих стран, наиболее полное понимание этого феномена с точки зрения объема и большой значимости таких миграций для общества в целом раскрывается именно в подходе, примененном в Германии.

История массового “возвращения” немцев, живших за рубежом, на “родину предков” начинается уже в начале 1920-х годов. Первая значительная волна этнической миграции такого типа относится к 1919–1923 гг. и считается прямым следствием процесса политических изменений в Центральной и Юго-Восточной Европе, которые начали происходить после окончания Первой мировой войны. В результате включения обширных областей, заселенных немецкоязычным населением, в иные государственные образования в Германию и Австрию из Польши, Чехословакии, прибалтийских стран, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Румынии, Франции и Италии мигрировало приблизительно 1,3–2 млн человек (*Oltmer* 2010: 718). В основном это были представители политической, государственной и экономической элиты, в определенной степени связанные с системой прежнего государственного аппарата. И, несмотря на такое огромное количество эмигрировавших, по объективным оценкам второй половины 1930-х годов за пределами Германии и Австрии все еще находилось около 8,5 млн человек, причислявших себя к немецкой национальности (*Münz, Ohliger* 1998: 402).

Следующим этапом массовой миграции немцев из восточной части континента в западном направлении было в той или иной степени насильственное переселение, организованное на основании межгосударственных договоренностей конца 1930-х годов. Эти миграционные акты распространялись преимущественно на немцев родом из Прибалтики, Бессарабии, Буковины, Словении, Южного Тироля и Волыни. Количество представителей немецких меньшинств, принявших участие в первой, так наз. факультативной фазе выборов в пользу Третьего рейха, составило 450 тыс. человек. Альтернативой отъезду в Германию и получению гражданства Третьего рейха был отказ от коллективных прав меньшинства на родине.

Вышеупомянутые мигранты являлись желанным средством “германизации” для идеологов нового видения европейского устройства. Они в основном были призваны заселять восточные части империи – недавно завоеванные области, где до сих пор доминировало ненемецкое население, которое, согласно представлениям национал-социалистов, в будущем должно быть либо германизировано, либо “устранено”. Ко второй фазе этих миграций можно отнести продолжавшийся с 1943 г. частично организованный, частично стихийный отток немецкого гражданского населения из Юго-Восточной Европы (Югославия, Словакия, Польша, часть Румынии и Украины) в направлении, противоположном приближающейся линии фронта. Вторая фаза предположительно охватила около 1,3 млн человек, однако следует признать, что количественные данные за этот период очень недостоверны. В послевоенный период этнические миграционные потоки уже включали в себя многочисленные группы военных беженцев и (впоследствии) поздних переселенцев.

Феномен “этнической миграции” под видом иммиграции “земляков” на родину предков в ряде европейских стран послевоенного периода являлся очень

оживленной этнологической темой. Развитию этого направления в европейской этнологии послужили начавшиеся в межвоенные годы исследования этнических анклавов и так наз. языковых островов¹, которыми прославилась прежде всего немецкоязычная этнологическая традиция (*Volkskunde*). Именно немецкие этнографы, языковеды, демографы и (антропо)географы уже в 20-х годах XX в. предприняли попытку предложить теоретическо-методологический инструментарий, который позволил бы не только изучать разнообразные анклавы, но и комплексно их анализировать, в том числе в рамках определенного иноэтнического контекста. Важным шагом в этом направлении стала монография о немецкоязычных анклавах, написанная немецким историком и этнографом Вальтером Куном (*Kuhn 1934*)². Эта в свое время очень влиятельная работа была направлена на закрепление теоретической и методологической основы так наз. науки о языковых островах (*Sprachinselforschung*), этнографическое исследование которых было введено в качестве специальной этнографической субдисциплины (*Sprachinselvolkskunde*) с выраженными междисциплинарными компонентами.

В послевоенное время способ мышления, сформировавшийся в рамках этнографического изучения этноязыковых анклавов, повлиял на этнологический анализ масштабных миграционных потоков, с которыми сталкивалась Германия во второй половине XX в. Цель данной статьи – отобразить способ реализации и методологические предпосылки одной из первых попыток этнографического анализа так наз. этнических мигрантов и передать, как тематические и методологические направления вышеупомянутого научного подхода привели к теоретическим инновациям немецкоязычной этнологии послевоенного периода. В качестве примера будут представлены исследования исчезающих этнографических феноменов, проведенные среди бессарабских переселенцев немецкого происхождения на территории тогдашнего протектората Богемии и Моравии.

Бессарабские немцы как специфическая этнографическая группа

Бессарабские немцы принадлежали к тем восточноевропейским этническим группам, которые смогли сформироваться только в начале XIX в. в результате организованных миграций центральноевропейского населения на окраины расширившейся Российской империи. Вместе с представителями других этнических групп, прежде всего болгар, гагаузов, русских, украинцев, а также албанцев и поляков, немецкоязычные колонисты способствовали тому, что районы Бессарабии, обезлюдившие в результате российской завоевательной политики, были заселены экономически грамотным и политически надежным населением³. Массовый приток переселенцев из Центральной Европы в тогдашнюю Новороссию обеспечил царский указ от февраля 1804 г.

Первые колонисты из немецкоязычных стран прибыли в Буджак (так в русскоязычной и украинскоязычной литературе называется южная часть исторического ландшафта Бессарабии) в 1813 г., но их приток продолжался до 1840-х годов. В этот период материнские колонии были основаны переселенцами из нескольких областей Центральной Европы, в частности Вюртемберга, Баварии, Мекленбурга, Померании, Пруссии и центральной Польши⁴. Богемия (*Böhmen*) также спорадически упоминается среди мест отправления мигрантов; следовательно (исходя из случаев, происходивших в других областях Юго-Восточной Европы, куда направлялись колонисты из чешских земель) можно предполо-

жить, что в той или иной степени небольшие группы чехов могли переселяться в Буджак вместе с чешскими немцами (ср.: *Lozoviuk* 1998). Из негерманских районов вместе с немцами приезжали мигранты из франкоязычных кантонов Швейцарии и из самой Франции (*Капустин, Радова* 2005: 226). Территориальное расширение немецкоязычного района в Буджаке происходило и в более поздние годы, но исключительно за счет вторичной колонизации.

Жители вновь основанных поселений были наделены широким кругом привилегий, которые были закреплены в специальном законе 1817 г. (Там же: 229). Кроме того, немецкие колонии пользовались местной автономией, которая касалась, в частности, трех уровней: 1) местного самоуправления (включая использование немецкого языка в качестве локального официального языка), 2) сферы образования и 3) религиозной сферы. Благодаря громким выступлениям как славянофилов, так и русских либералов царское правительство было вынуждено отменить привилегии немецкого населения – аналогично привилегиям других нерусских групп в России – в 1871 г. (Там же: 230). Тем не менее немецкие колонии в Бессарабии продолжали развиваться в экономическом, культурном и демографическом плане, что стало предпосылкой для дальнейшего территориального расширения немецкоязычных поселений в форме внутренней колонизации (*Schlarb* 2014)⁵.

Результатом колонизационной политики Российской империи в южной Бессарабии, в которой кроме немцев участвовали в основном русские, украинцы, болгары, гагаузы и еще несколько менее многочисленных этнических групп, стало формирование на относительно небольшой территории конгломерата, разнообразного в языковом, конфессиональном, этническом и культурном отношении. Согласно результатам румынской переписи 1930 г., в Бессарабии проживало 2,8 млн человек, из которых 56,2% принадлежали к молдавскому или румыноязычному населению, 12,3% объявили себя русскими, 11% – украинцами, 7,2% – евреями, 5,7% – болгарами и 3,4% – гагаузами. Немцы составляли 2,8% всего населения региона (81 089 человек) (*Schlarb* 2014).

В результате националистической политики, проводимой румынским государством, в 1920-х и особенно в 1930-х годах по всей стране обострились межэтническая напряженность и проявления открытой дискриминации в отношении нерумынских народов. В немецких поселениях Буджака это проявилось в запрете преподавания немецкого языка в школах (*Jachomowski* 2010: 132) и в ограничении деятельности учреждений местных меньшинств. В ответ на эти меры немецкая сторона стала устанавливать более тесные контакты с образовательными организациями непосредственно из рейха и создавать свои собственные ассоциации самопомощи, такие как “Бессарабское немецкое движение обновления. Служба народу” (*Bessarabische Deutsche Erneuerungsbewegung, Volksdienst*), целью которого было содействие развитию жизни немецкого меньшинства при поддержке из рейха (ср.: *Glass* 1996: 515–518).

Значительным поворотным моментом в жизни бессарабских немцев стал 1939 г., летом которого Третий рейх и Советский Союз заключили договор о ненападении, включавший “секретный протокол” о взаимном разделе сфер влияния в Восточной Европе. В сентябре 1939 г. был заключен еще один германо-советский договор о дружбе, который также включал одно секретное соглашение, касающееся переселения бессарабских немцев. Между СССР и Третьим рейхом было достигнуто еще несколько подобных договоренностей (*Jachomowski* 2010: 132)⁶. Согласно этим соглашениям, этническим немцам было позволено сделать выбор в пользу Третьего рейха и впоследствии пересе-

литься в Германию. Эвакуация немецкого населения из Бессарабии проходила в несколько этапов (с сентября 1940 г. по апрель 1941 г.) и в общей сложности охватила практически все немецкое население страны, в конкретных цифрах – 93 548⁷ человек⁸. Переселение бессарабских немцев было организовано из рейха учреждением под названием “Координационный центр немецких соплеменников” (*Die Volksdeutsche Mittelstelle*)⁹. Шесть тысяч семей из восточных областей СССР и еще несколько тысяч из Западной Украины были перемещены советскими властями на покинутые немцами места. Задача переселенцев заключалась в том, чтобы взять под контроль агропромышленные предприятия, оставленные немцами, и создать колхозы на освободившихся сельскохозяйственных землях (*Кубякин 2014: 357*).

Организованные перевозки бессарабских немцев со второй половины 1940 г. были направлены примерно в 800 временных сборочных лагерей, которые располагались в основном в Саксонии, Судетской области и (в меньшей степени) в других регионах рейха, по преимуществу в Баварии, Тюрингии и Австрии (*Schmidt 2008: 325*). К 1944 г. большинство мигрантов находилось в рейхсгау Данциг-Западная Пруссия и Вартеланд (*Jachotowski 2010: 133*) – районах, в которых новоприбывшие должны были выступать в качестве своего рода “германизирующего элемента”. Более мелкие группы были обнаружены на территории генерал-губернаторства, современной Словении, а также в протекторате Богемии и Моравии (*Schmidt 2008: 330; Brandes 2015: 175*).

“Степные немцы” и их этнографическое изучение

Интересный и до сих пор не упоминавшийся этап в развитии немецкой сравнительной этнологии (*vergleichende Volkskunde*)¹⁰ представляет собой этнографическое изучение этих бессарабских иммигрантов в рейхе, которое было организовано основателем этого научного направления, последним ординарным профессором немецкой этнографии в Пражском университете Йозефом Ханикой¹¹, принадлежавшим к группе так наз. исследователей языковых островов (*Sprachinselforscher*), ориентировавшихся на изучение немецкоязычных анклавов в Восточной Европе. Первоначально отправной точкой для данного исследования стала традиционная методология, распространенная в этнографии этнических анклавов (*Sprachinselvolskunde*). Однако в связи с динамичным изменением предмета изучения необходимо было рассмотреть возможность модификации общего подхода к сбору этнографических данных, а также способа их оценки. Таким образом, можно сделать вывод о структурном сходстве с инновациями в антропологических исследованиях, которые почти одновременно с немецкой “этнографией изгнанников” (*Vertriebenenvolkskunde*) ввела Манчестерская школа антропологии на основе своих исследований среди мигрантов на юге Африки.

Переписка Ханики с представителями Райхенбергского института¹² и партийными чиновниками (НСДАП) из Судетского гауляйтунга показывает, что идея изучения культуры бессарабских немцев в их новой среде возникла уже в 1940 г., сразу после их переселения в Центральную Европу. Похоже, что это исследование было инициировано непосредственно гауляйтунгом, который поддерживал его материально и политически на протяжении всего периода (AAVCR: Dok. 1)¹³. Планируемая научная работа должна была опираться на уже реализованные начинания, которые поставили перед собой цель задокументировать диалекты бессарабских немцев (*Ibid.: Dok. 8*)¹⁴. Собранный фило-

логический материал должен был дополняться информацией о народной или же национальной культуре соответствующей группы мигрантов. Кроме того, формальным вдохновением для организаторов широкомасштабного исследования послужила работа по проекту межвоенного периода “Атлас немецкого народоведения”.

Поскольку бессарабско-немецкие лагеря предоставляли уникальную возможность “надежно зафиксировать наиболее ценный народный материал и сохранить его для научных целей”, Ханике было поручено провести “исследования, желательные с точки зрения этнографического изучения” (Ibid.: Dok. 1). По поручению гауляйтунга и с помощью Райхенбергского института он должен был разработать для этой цели научный “рабочий план”, а также позаботиться об организации всего процесса (Ibid.: Dok. 4). Одной из центральных задач этой работы было проведение этнографических “спасательных исследований”, поскольку, как утверждал председатель правительства (*Regierungspräsident*) в городе Карлсбад Вильгельм Себековский в письме от ноября 1940 г. в гауляйтунг в Райхенберге (Либереце), это, по его мнению, была последняя возможность “поднять старые (культурные) сокровища, так как они могут быть вскоре потеряны” (Ibid.: Dok. 2). “Это факт, – говорится в другой части документа, – что мы лучше информированы, например, о тибетцах, чем о тех частях некоторых немецких племен (*Volksstämme*), которые десятилетиями или даже веками не участвовали в живом духовном кровотоке немецкого народа”. Именно поэтому было принято решение о необходимости более тщательного этнографического изучения этих немцев, “которые, безусловно, обладают многими специфическими (культурными) ценностями” (Ibid.: Dok. 2).

Сначала предполагалось сосредоточить внимание исключительно на сборе бессарабско-немецких нарративных материалов в бессарабско-немецких лагерях в районе рейхсгау Судетенланд (Ibid.: Dok. 22). В плане архивных материалов особенно выделяются лагеря в Ческой-Каменице, Требендорфе и Мариенбаде (Ibid.: Dok. 18). Однако, по словам Ханики, для того, чтобы исследовательский проект “дал более полное представление о бессарабско-немецкой этнической группе, необходимо было включить и лагеря за пределами нашего гау” (Ibid.: Dok. 24). Поэтому этнографическая деятельность рассредоточилась и на ряд других мест, где Ханике пришлось прибегнуть к помощи добровольцев из отдельных лагерей или заинтересованной местной общественности.

Для практического осуществления работы по сбору материала в дополнение к вопроснику Ханика составил отдельную “инструкцию”, которая ориентировалась “на общие области материала и выделяла соответствующие вопросы” (Ibid.: Dok. 10). Это позволило привлечь к сбору информации многочисленных непрофессионалов из числа как переселенцев, так и коренных жителей. Задача этих сотрудников по преимуществу состояла в заполнении анкет, подготовленных Ханикой на основе опросов бессарабско-немецких информантов, за что им также выплачивалось “рабочее вознаграждение”.

Ханика не только выступал в качестве “экспертного руководителя” всей акции, но и являлся посредником между учреждением, где собранные данные временно архивировались¹⁵, и полевым персоналом. Это влекло за собой, помимо прочего, необходимость решения различных прагматических проблем, особенно тех, которые касались размера вознаграждения сотрудников, занимающихся сбором материала. Например, в письме от января 1941 г. Фердинанд Вагнер, бессарабский немец из лагеря № 115 в Ческой-Каменице, просил Ханику выплатить ему единовременную сумму в размере 450 рейхсмарок (Ibid.:

Док. 11). Из их переписки следует, что Вагнер неоднократно требовал у Ханики повышения зарплаты. Следует отметить и то, что Вагнер был одним из самых важных сотрудников Ханики. Он не только механически заполнял анкеты, подготовленные Ханикой, но и стал автором нескольких рукописных статей. Одна из них, под названием “Бессарабские немцы как крестьяне”¹⁶, информировала об основных исторических и этнографических реалиях бессарабских немцев и, безусловно, стала для Ханики и его сотрудников введением в данную тему.

Вагнер даже написал для Ханики один обширный (в объеме 115 страниц) этнографический текст под названием “Жизнь немцев в Бессарабской степи”¹⁷. Эта рукопись была создана благодаря знанию Вагнером ситуации в Бессарабии и на основе интервью, которые он вел с рядом переселенцев. В работе рассмотрены традиционные для немецкой этнографии того времени темы, такие как материальная культура, язык (диалектные подразделения), народная пища, условия окружающей среды бессарабско-немецких поселений, их структура, религиозная ситуация, народная медицина (включая магические практики) и т.д. Значительное внимание уделялось обычаям, традициям и различным фольклорным жанрам бессарабских немцев, которые документированы многочисленными примерами (песнями, легендами, пословицами, поговорками и т.д.). С точки зрения межэтнических отношений особый интерес представляет информация, касающаяся контактов, существовавших между немецкими колонистами и представителями других этнических групп в Буджаке. Текст, который должен был стать “полной картиной немецкой жизни в Бессарабии” (SOACH: 115), завершается несколькими страницами размышлений о причинах, по которым бессарабские немцы не поддались ассимиляции в инонациональной среде (Ibid.: 111–115). В этом контексте Вагнер упоминает параллели и различия в историческом развитии бессарабских немцев с иной группой, которая тоже в это время была переселена в рейх – вольнскими немцами (*Wolhyniendeutsche*). Это единственный отрывок в рассматриваемом тексте, который выходит за рамки описательного рассказа и в котором его автор осмеливается выразить свои собственные мысли.

Хотя работу, проведенную Вагнером, в полном смысле слова нельзя назвать этнографическим исследованием, а его рукопись представляла собой коллекцию более или менее “сырых” эмпирических данных, его текст является ценным источником для понимания культурных и языковых реалий уже не существующих “степных немцев”. Ханика ответил на работу Вагнера несколькими десятками вопросов, на которые явно ожидал дополнительных ответов от автора. В какой степени Вагнер смог откликнуться на просьбу Ханики дополнить и, конечно, расширить рукопись, неизвестно. Показательным для современной ситуации и исторической судьбы изучаемого немецкого меньшинства является то, что Вагнер закончил свой текст в следующем меланхолическом духе: “Как и каждый бессарабец, я тоже с меланхолией вспоминаю нашу покинутую родину, и оплакиваю не столько свое имущество, которое мне пришлось отдать, сколько задачи, которые были поставлены перед нами и в выполнении которых я участвовал на передовой и с самоотверженностью, неизвестной в рейхе” (Ibid.: 115).

Вероятно, самой выдающейся личностью среди этнографов-любителей, участвовавших в исследовательской кампании Ханики, был Альберт Брош, который уже в то время был известен как “успешный собиратель народных песен”. Часовщик по профессии и уроженец западно-чешского города Эгер (Cheb), Брош являлся “хорошим другом профессора Юнгбауэра” из пражского Немецкого университета (Ibid.: 2). Свою этнографическую деятельность он на-

чал развивать уже в межвоенный период под влиянием и руководством Адольфа Хауффена и стал известен как искусный собиратель судето-немецкого фольклора, особенно песен, из Эгерланда и Шумава (*Weinmann* 1985: 90). О том, что Брош был опытным исследователем народного творчества, свидетельствует тот факт, что уже зимой 1939–1940 гг. он по своей инициативе посетил переселенных немцев Волыни с намерением провести среди них сбор народных песен (*Ibid.*: 2). Помимо соратников-любителей, Ханика рассчитывал на поддержку своих судето-немецких коллег, в том числе Франца Беранека и Ганса Кляйна (*Ibid.*: 24).

Наиболее активная фаза опросной кампании пришлась на первые годы войны. Уже первые опросы в лагере Требенсдорф показали, “что поселенцы не так продуктивны в плане народной песни, как более ранние (пришедшие в Германию. – П.Л.) группы из Волыни и Галиции, однако ошибочно было бы полагать, что у них вообще нет народных песен” (*Ibid.*: 22). По мере нарастания трудностей из-за продолжающейся войны работа над проектом постепенно прекратилась, и записи больше не могли быть оценены. Сами судетские немцы стали беженцами, и после 1945 г. материал был недоступен для немецких (и до недавнего времени также чешских) этнологов.

От *Sprachinselvolkskunde* к социально ориентированной этнографии

За лингвистическим и этнографическим интересом к национальным анклавам в межвоенный период стояло аксиоматическое убеждение, что в ситуации языкового острова можно наблюдать и изучать архаичные социальные явления в ясной и сжатой форме (*Jungbauer* 1930b: 21), что уже считалось невозможным на родине предков колонистов. Уклад немецкоязычных меньшинств рассматривался как пример исконно немецкого образа жизни, на который индустриализация и урбанизация не повлияли или повлияли незначительно. Поэтому отдельные населенные пункты, заселяемые потомками немецкоязычных колонистов, рассматривались не только как национальные “оазисы” в море иноэтничного пространства, но и как “культурные консервы”. По этой причине исчезающие формы старой традиции, описание которых велось в среде относительно прозрачных, преимущественно сельских обществ, были признаны подходящими объектами для этнографического изучения.

Напротив, в реформированной фолькскунде послевоенного периода преобладала тенденция интерпретировать языковые анклавы как зоны контакта двух или более этнических групп, а не как национальные “острова”. Послевоенная европейская этнология (*Ethnologia Europaea*) подчеркивала важность межэтнического аспекта в повседневной жизни жителей этнических анклавов, тогда как их архаичности и традиционализму уже не придавалось такого значения. Наиболее системно это происходило в исследовании так наз. межэтнических отношений; центральной фигурой в этой области была немецкий этнолог Ингеборг Вебер-Келлерманн (ср.: *Weber-Kellermann* 1959)¹⁸. Именно Вебер-Келлерманн, первоначально исходя из традиции *Sprachinselvolkskunde*, решила “деэтнизировать” и “деромантизировать” довоенную этнографию языковых островов (ср.: *Ibid.*: 1967). Тем самым она задала новый курс на изучение лингвистически смешанных территорий в немецкой этнологии, который впоследствии перерос в исследование широко понимаемых этнических процессов (*Interethnik*¹⁹), а затем – в межкультурную коммуникацию (ср.: *Лозовюк* 2015: 173).

Другим примером инновационной оценки этнографического изучения этнических анклавов межвоенного периода является попытка расширить сферу исследования немецкой этнографии до границ, затрагивающих тематику социокультурных и демографических изменений, вызванных военной ситуацией. Важной научной темой, над которой Йозеф Ханика работал в послевоенный период, являлась проблема немецкого населения, депортированного из Восточной Европы в оккупированные зоны Западной Германии. Самым значительным его достижением в этой области стало обобщенное методическое пособие 1957 г., которое тематизировало этнографическое осмысление культурных изменений, последовавших за массовыми вынужденными миграциями (*Hanika* 1957).

Преодолев трудности послевоенного периода (подробнее см.: *Zückert* 2001: 216), Ханика попытался вернуться к своей академической работе в новой баварской среде. Кроме преподавательской и организационной деятельности в Мюнхенском университете одним из самых значительных его достижений стало написание вышеупомянутого “методического руководства по исследованию”, в котором он сформулировал новый подход к этнографическому осмыслению культурных процессов, вызванных массовыми миграциями (*Hanika* 1957). Это исследование Ханики являлось одной из первых теоретических работ²⁰, ставших сигналом смены парадигмы в немецкой послевоенной этнологии, которая заключалась в том, что в центр этнографического интереса была поставлена динамика культурных изменений, вызванных миграционными перемещениями.

Научной общественности до сих пор не было известно, что инновационный вклад Ханики в немецкую послевоенную этнографию был основан и в некотором смысле построен на его более ранних исследованиях, которые он и его соратники проводили еще во время войны в сборных лагерях бессарабских немцев. Наиболее убедительным аргументом в поддержку этого заключения является то, что данная работа Ханики имеет явные параллели с более ранней рукописью военного времени, в которой он предложил “план” этнографических записей переселенных бессарабских немцев (*Hanika* n.d.). Однако, в отличие от рукописи, опубликованная работа содержит также теоретические отрывки, в которых автор стремится пролить свет на динамику культурных изменений, вызванных миграцией, с новой этнографической точки зрения.

В своей работе Ханика приходит к выводу, что этнографические исследования должны быть направлены не на фиксацию “традиционной” культуры, а на осмысление изменений в социальной структуре, вызванных притоком мигрантов в иммигрантские населенные пункты. Что происходит в этнографическом, социальном, культурном и психологическом плане, спрашивал Ханика, “когда люди, образующие местное сообщество, связанные традициями и происхождением, внезапно вынуждены покинуть свою родину в результате внешнего импульса” (*Hanika* 1957: 15)? “Наш главный этнографический вопрос в области германских племенных исследований заключается в том, чтобы выяснить, как эти племена (*Stämme*. – *П.Л.*) и подплемена (*Schläge*. – *П.Л.*) реагируют на потерю родины и расселение” (*Ibid.*: 145)? Какую форму примет “перенос патриархальных слоев крестьянства (*Bauernvolk*. – *П.Л.*) из юго-восточной Европы в высокоиндустриальную (и урбанизированную) среду западной Германии” (*Ibid.*)?

Поиск ответов на эти и другие вопросы в конечном итоге привел к изучению процессов социальной и культурной интеграции в новой среде или искоренению из нее. Общим знаменателем подобных размышлений стала фраза “трансформация через миграцию”, где динамичные процессы ассимиляции

изучались с точки зрения как коренного населения, так и приезжих. Особое значение для культурной трансформации традиции, по мнению Ханики, имел травматический, intersubjectively разделяемый опыт, связанный с вынужденным перемещением. Несмотря на некоторые, сегодня уже не актуальные аспекты²¹, упомянутая книга Ханики поднимает вопрос о том, какую роль должны играть этнологи в осмыслении подобных социальных явлений; например, в осознании нынешних массовых миграционных потоков, которые направляются в страны ЕС. Очевидно, что Ханика, как и некоторые немецкие этносоциологи (Вильгельм Эмиль Мюльман²², Ойген Лемберг или Эмерих Френцис²³), считал, что в задачу “новой” этнографии входит изучение основ формирования новых обществ в ходе миграционных процессов. Этот подход должен был в конечном итоге привести к “тесному и плодотворному соприкосновению между народоведением и дисциплинами социальных наук” (*Hanika* 1957: 10).

Вероятно, единственным автором, писавшим об исследованиях Ханики в военный период, был баварский историк и этнолог Тобиас Вегер. Вместе с тем следует отметить, что его критическая аргументация, касающаяся вклада Ханики в развитие дисциплины в Германии, не кажется вполне убедительной, особенно по причине следующих двух пунктов. Во-первых, Ханика был обвинен в том, что посредством этих исследований принимал участие в расистской и политической категоризации населения нацистским режимом, а значит, и в нацистской этнической политике (*Volkstumspolitik*) и расово оправданной войне (*Weger* 2006: 191–192). Во-вторых, его новаторские достижения в послевоенной немецкой этнографии рассматриваются в слишком релятивной перспективе. В случае *Vertriebenenvolkskunde* Ханики, по словам Вегера, речь идет не о “инновационном подходе, а о преемственности нацистских парадигм”, о чем якобы свидетельствует терминология, используемая Ханикой (*Weger* 2006: 207).

О политической актуальности изучаемого этнографического исследования свидетельствует тот факт, что импульс к его проведению исходил от представителей местной политической власти, которая его и достаточно финансово обеспечила. С другой стороны, следует отметить, что Ханике была предоставлена значительная свобода в способе его проведения. Бессарабские немцы воспринимались как отдельная этническая группа, этнографические особенности которой должны были быть зафиксированы в наиболее полной форме, поскольку предполагалось, что их ассимиляция в новой среде произойдет очень скоро. Сбор эмпирических данных методично проводился в духе традиционной межвоенной *Volkskunde*, но их оценку уже нельзя было осуществлять по объективным причинам. Таким образом, была реализована только лишь первая запланированная задача – сохранение оригинального этнографического материала “для научных целей”. Каким способом эти материалы должны были быть в дальнейшем обработаны и использованы в политических целях, мы сегодня можем только догадываться. Несомненно, этнографическая деятельность Ханики военного периода характеризуется этнополитической радикализацией, которая усиливалась с течением времени и в конечном итоге достигла кульминации в его национал-социалистическом образе мышления. Публикации Йозефа Ханики того времени, ориентированные на расовые исследования, являются ярким тому подтверждением. Тем не менее вышеупомянутые архивные материалы служат скорее свидетельством того, что в случае изучения бессарабских переселенцев речь шла в первую очередь об исключительно этнографическом предприятии, целью которого действительно было документирование народной культуры мигрантов, которая уже находилась в процессе исчезновения.

Примечания

¹ Однако истоки этого исследовательского направления берут начало в середине XIX в. (см.: *Schott* 1842).

² Новаторский вклад в эту проблематику также внесла статья профессора этнографии Немецкого университета в Праге Густава Юнгбауэра (*Jungbauer* 1930a).

³ Об истории и реализации этих миграций см., напр.: *Грек, Руссев* 2011; *Киссе и др.* 2014.

⁴ Обзор их регионального происхождения см.: *Schmidt* 2008: 86.

⁵ О процессе покупки сельскохозяйственных земель немецкими колонистами в южных регионах Российской империи во второй половине XIX в. см.: *Капустин, Радова* 2005: 232–234.

⁶ Одним из них было соглашение от 5 сентября 1940 г., в котором оговаривались условия переселения немцев из Бессарабии и Буковины. Полное название этого соглашения: “Der deutsch-sowjetische Staatsvertrag über die Umsiedlung der Volksdeutschen aus Bessarabien und der Nord-Bukowina. Vereinbarung zwischen der Deutschen Reichsregierung und der Regierung der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken über die Umsiedlung der deutschstämmigen Bevölkerung aus den Gebieten von Bessarabien und der Nördlichen Bukowina in das Deutsche Reich” (*Schieder* 1957: 134E-145E).

⁷ В работах таких авторов, как Дирк Яхомовски (*Jachomowski* 2010: 133) и Уте Шмидт (*Schmidt* 2008: 317) наблюдаются незначительные различия в данных, касающихся количества немецких мигрантов. Оба автора сообщают о 93 318 зарегистрированных перемещенных лицах; Корнелия Шларб (*Schlarb* 2014) называет следующую цифру – 93 342 человека. Примечательно, что кроме немцев заинтересованность в переезде в Германию выразили и некоторые другие жители Буджака, среди которых были даже евреи (*Jachomowski* 2010: 133).

⁸ Die Umsiedlung Stand I. Juli 1942. Überliefert im Bundesarchiv Bestand NS 19 (Persönlicher Stab des Reichsführers SS). Akte 2743. S. 6. [http://homepages.uni-tuebingen.de/gerd.simon/umsiedlung-statistik\[1\].pdf](http://homepages.uni-tuebingen.de/gerd.simon/umsiedlung-statistik[1].pdf) (дата посещения: 23.10.2015).

⁹ Более подробно об истории, организации, задачах и практической деятельности этого учреждения см.: *Görlich* 2014.

¹⁰ Насколько мне известно, единственным автором, обратившим внимание на этот аспект деятельности Ханики, помимо автора данного текста, был Тобиас Вегер (*Weger* 2006: 191).

¹¹ О карьере Ханики в Немецком университете в Праге и о его значении для судето-немецкой этнографии в целом см.: *Lozoviuk* 2008; *Лозовиук* 2020.

¹² Речь идет о Судето-немецком институте региональных и народных исследований (*Sudetendeutsche Anstalt für Landes- und Volksforschung*), находившемся в северочешском городе Либерец (Reichenberg).

¹³ Цитируемые документы хранятся в архиве Академии наук ЧР в Праге (AAVČR). На момент оценки фонды не были обработаны, нумерация отдельных архивных документов была выполнена автором данного текста.

¹⁴ Лингвистические исследования были проведены в пятидесяти бессарабско-немецких лагерях с помощью так наз. предложений Венкера (*Wenker-Sätze*).

¹⁵ Что должно было произойти с оригинальными записями после проведения оценки, оставалось неясным. В письме от 29 января 1941 г., адресованном Судетско-немецкому институту региональных и народных исследований, Ханика предложил отправить их в Штутгарт, поскольку, как он написал, “бессараб-

ские немцы для нас лишь преходящее явление” (AAVČR: Dok. 17). В Штутгарте начиная с 1917 г. работал Немецкий институт зарубежья (*Deutsches Ausland-Institut*), одной из важных задач которого было изучение немцев, живущих за границей.

¹⁶ Wagner Ferdinand “Die Bessarabiendeutschen als Bauern” (1941) (AAVČR: Dok. 14).

¹⁷ Wagner Ferdinand “Deutsches Leben in der bessarabischen Steppe” (SOACH).

¹⁸ Вебер-Келлерманн в какой-то степени можно назвать ученицей и – на первых этапах ее академической деятельности – даже восторженной поклонницей Вальтера Куна, но это не помешало ей впоследствии направить значительную часть своей критики довоенного *Sprachinselvolkskunde* на работы своего бывшего наставника.

¹⁹ Межэтнические исследования в немецкой этнологии были сосредоточены на изучении явлений культурного обмена и взаимоотношений между представителями народов, находящихся в непосредственном контакте.

²⁰ О Ханике неоднократно положительно высказывался, например, Ульрих Толксдорф, который считал его исследовательское направление методологически образцовым для всей (немецкой) этнографии того времени (*Tolksdorf* 1987: 198).

²¹ Речь идет о традиционных явлениях народной культуры, которые, по мнению Ханики, этнограф тоже должен был фиксировать во время исследований, проводимых среди этнических переселенцев.

²² Вклад Мюльмана в немецкую этнологию и этносоциологию рассматривается на русском языке в монографии Геннадия Евгеньевича Маркова (*Марков* 2004: 202–218, 307–321).

²³ О карьере этих двух ученых см.: *Лозовюк* 2015: 178–179, 173–175.

Источники и материалы

AAVČR – Archiv AV ČR Praha. Fond: Sudetoněmecký vlastivědný ústav v Liberci. Sudetoněmecký Archiv/Sudetendeutsches Archiv 17.–20. století.

Görlich 2014 – *Görlich F.* Volksdeutsche Mittelstelle (VoMi) // Online-Lexikon zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. 2014. ome-lexikon.uni-oldenburg.de/55550.html

Hanika n.d. – *Hanika J.* Plan für die volkskundlichen Aufnahmen in den Lagern der deutschen Umsiedler aus Bessarabien (Manuskript aus dem AAVČR. Fond: Sudetoněmecký vlastivědný ústav v Liberci. Sudetoněmecký Archiv/Sudetendeutsches Archiv 17.–20. století).

Schlarb 2014 – *Schlarb C.* Bessarabien // Online-Lexikon zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. 2014. ome-lexikon.uni-oldenburg.de/p32551

SOACH – Státní okresní archiv Cheb. Fond č. 35: Hanika Josef, Dr. Inv. č. 112 Wagner, Ferdinand: Die Bessarabier-Deutschen als Bauer (Němci z Besarábie jako sedláci), strojopis, doplňující korespondence (mj. 1 fotografie) 1941.

Научная литература

Грек И.Ф., Руссев Н.Д. 1812 – поворотный год в истории Буджака и “задунайских переселенцев”. Кишинев: Stratum Plus, 2011.

Капустин С., Радова О. К вопросу об этнокультурном и демографическом развитии немцев Бессарабии в XIX – начале XX вв. // Нові етноісторич-

- ні виміри. Матеріали II Міжнародного наукового семінару “Кайндлівські читання” / Под ред. Р.Ф. Кайндль. Чернівці: Прут, 2005. С. 226–240.
- Киссе И.А., Пригарин А.А., Станко В.Н.* (ред.) Буджак: историко-этнографические очерки юго-западных районов Одесчины. Одесса: PostScriptUm, 2014.
- Кубякин В.В.* Сочинение на заданную тему или Откуда есть пошло местечко Тарутино в Буджаке. Арциз: ФОП Петров О.С., 2014.
- Лозовюк П.* Нечешские богемцы как теоретики этничности и национализма // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 169–190.
- Лозовюк П.* Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65 (4). С. 1162–1185. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.409>
- Марков Г.Е.* Немецкая этнология: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2004.
- Brandes D.* Germanizovat a vysídlit. Nacistická národnostní politika v českých zemích. Praha: Prostor, 2015.
- Glass H.* Zerbrochene Nachbarschaft. Das deutsch-jüdische Verhältnis in Rumänien (1918–1938). München: Oldenbourg Verlag, 1996.
- Hanika J.* Volkskundliche Wandlungen durch Heimatverlust und Zwangswanderung. Methodische Forschungsanleitung am Beispiel der deutschen Gegenwart. Salzburg: Otto Müller Verlag, 1957.
- Jachomowski D.* Deutsche aus Bessarabien // Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts / Hrsg. D. Brandes, H. Sundhaussen, S. Troebst. Wien: Boehlau Verlag, 2010. S. 131–133.
- Jungbauer G.* Sprachinselvolkskunde // Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde. 1930a. Bd. 3: Nr. 4. S. 143–150; Nr. 5. S. 196–204; Nr. 6. S. 244–256.
- Jungbauer G.* Die deutsche Volkskunde in der Tschechoslowakei // Deutsche Volkskunde im ausserdeutschen Osten / Hrsg. G. Brandsch et al. Berlin: 1930b. S. 1–25.
- Kuhn W.* Deutsche Sprachinsel-Forschung. Geschichte, Aufgaben, Verfahren. Plauen i.V.: G. Wolff, 1934.
- Lozoviuk P.* Němečtí vystěhovalci z českých zemí a jejich jazykové ostrovy v jihovýchodní Evropě // Češi v cizině. 1998. № 10. С. 39–87.
- Lozoviuk P.* Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2008.
- Münz R., Ohliger R.* Privilegierte Migration – Deutsche aus Ostmittel- und Osteuropa // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte. 1998. Nr. XXVII. S. 401–445.
- Oltmer J.* Erster Weltkrieg // Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts / Hrsg. D. Brandes, H. Sundhaussen, S. Troebst. Wien: Boehlau Verlag, 2010. S. 716–719.
- Schieder T.* (ed.) Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mittleuropa. Bd. III, Das Schicksal der Deutschen in Rumänien. Berlin: Bundesministerium für Vertriebene, 1957.
- Schmidt U.* Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Potsdam: Deutsches Kulturforum, 2008.
- Schott A.* Die deutschen Kolonien in Piemont: Ihr Land, ihre Mundart und Herkunft. Ein Beitrag zur Geschichte der Alpen. Stuttgart: J.G. Cotta'scher Verlag, 1842.
- Tolksdorf U.* Zum Stand der ostdeutschen Volkskundeforschung // Flüchtlinge und Vertriebene in der westdeutschen Nachkriegsgeschichte. Bilanzierung der

- Forschung und Perspektiven für die künftige Forschungsarbeit / Hrsg. R. Schulze, D. von der Brelie-Lewien, H. Grebing. Hildesheim: August Lax, 1987. S. 196–200.
- Weber-Kellermann I. Probleme interethnischer Forschungen in Südosteuropa // *Ethnologia Europaea*. 1967. Nr. 1. S. 218–231.
- Weber-Kellermann I. Zur Frage der interethnischen Beziehungen in der Sprachinselvolkskunde // *Österreichische Zeitschrift für Volkskunde*. 1959. Nr. 62. S. 19–47.
- Weger T. “Völkische Wissenschaft” zwischen Prag, Eger und München. Das Beispiel Josef Hanika // *Geschichtsschreibung zu den böhmischen Ländern im 20. Jahrhundert. Wissenschaftstraditionen – Institutionen – Diskurse* / Hrsg. C. Brenner et al. München: Collegium Carolinum, 2006. S. 177–208.
- Weinmann J. Egerländer biografisches Lexikon. Bd. 1 (A–M). Männedorf: J. Weinmann, 1985.
- Zückert M. Josef Hanika (1900–1963) Volkskundler. Zwischen wissenschaftlicher Forschung und “Volkstumskampf” // *Prager Professoren 1938–1948. Zwischen Wissenschaft und Politik* / Hrsg. M. Gletter, A. Mišková. Essen: Klartext, 2001. S. 205–220.

Research Article

Lozoviuk, P. On “Ethnic Migrants” and the Beginning of Their Ethnographic Study in Central Europe [“Etnicheskie migranty” i nachalo ikh etnograficheskogo izucheniia v Tsentral’noi Evrope]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 1, pp. 141–157. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010098> EDN: PMWVKE ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Petr Lozoviuk | <https://orcid.org/0000-0002-6053-4990> | lozoviuk@ksa.zcu.cz | University of West Bohemia (15 Sedláčkova, Pilsen, CZ-301 00, Czech Republic)

Keywords

ethnic migrants, history of ethnography, Bessarabia Germans, Josef Hanika, Czechia

Abstract

“Ethnic migrants” can be understood as participants of a specific type of migration, which is characterized by institutional and material facilitation by the host country of the conditions of migration movement based solely on the ethnic origin of migrants. The ethnic origin declared by such migrants, as a rule, coincides with the ethnic origin of the titular nation located in the target country. The aim of this article is to depict the mode of implementation and methodological preconditions of one of the first attempts at ethnographic analysis of so-called ethnic migrants and to convey how the thematic and methodological directions of the aforementioned scientific approach led to theoretical innovations in German-speaking ethnology in the post-war period. As an example, studies of disappearing ethnographic phenomena conducted among Bessarabian migrants of German origin in the territory of the then Protectorate of Bohemia and Moravia will be presented.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: University of West Bohemia (Pilsen, Czech Republic) [project number SGS-2022-029]

References

- Brandes, D. 2015. *Germanizovat a vysídlit. Nacistická národnostní politika v českých zemích* [Germanize and Displace: Nazi National Policy in the Czech Lands]. Prague: Prostor.
- Glass, H. 1996. *Zerbrochene Nachbarschaft. Das deutsch-jüdische Verhältnis in Rumänien (1918–1938)* [Broken Neighbourhood: German-Jewish Relations in Romania (1918–1938)]. München: Oldenbourg Verlag.
- Grek, I.F., and N.D. Russev. 2011. *1812 – povorotnyi god v istorii Budzhaka i “zadunaiskikh pereselentsev”* [1812 is a Pivotal Year in the History of Bujak and the “Danube settlers”]. Kishinev: Stratum Plus.
- Hanika, J. 1957. *Volkskundliche Wandlungen durch Heimatverlust und Zwangswanderung. Methodische Forschungsanleitung am Beispiel der deutschen Gegenwart* [Ethnographic Transformations through Loss of Homeland and Forced Migration: Methodological Research Guidance Using the Example of Contemporary Germany]. Salzburg: Otto Müller Verlag.
- Jachomowski, D. 2010. Deutsche aus Bessarabien [Germans from Bessarabia]. In *Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts* [Encyclopaedia of Expulsions: Deportation, Forced Resettlement and Cleansing in 20th Century Europe], edited by D. Brandes, H. Sundhaussen, and S. Troebst, 131–133. Vienna: Boehlau Verlag.
- Jungbauer, G. 1930. Die deutsche Volkskunde in der Tschechoslowakei [German Ethnography in Czechoslovakia]. In *Deutsche Volkskunde im ausserdeutschen Osten* [German Ethnography in the non-German East], edited by G. Brandsch, et al., 1–25. Berlin.
- Jungbauer, G. 1930. Sprachinselvolkskunde [Ethnography of Linguistic Islands]. *Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde* 3 (4): 143–150; 3 (5): 196–204; 3 (6): 244–256.
- Kapustin, S., and O. Radova. 2005. K voprosu ob etnokul’turnom i demograficheskom razvitii nemtsev Bessarabii v XIX – nachale XX vv. [On the Ethno-Cultural and Demographic Development of Germans in Bessarabia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries]. In *Novi etnoistorichni vimiri. Materiali II Mizhnarodnogo naukovogo seminaru “Kaindlivs’ki chitannia”* [New Ethnohistorical Dimensions: Materials of the II International Scientific Seminar “Kaindls Readings”], edited by R.F. Kaindl, 226–240. Chernivtsi: Prut.
- Kisse, I.A., A.A. Prigarin, and V.N. Stanko, eds. 2014. *Budzhak: istoriko-etnograficheskie ocherki iugo-zapadnykh raionov Odeschiny* [Budjak: Historical and Ethnographic Sketches of the South-Western Districts of Odessa Region]. Odessa: PostScriptUm.
- Kubiakin, V.V. 2014. *Sochinenie na zadannuiu temu ili Otkuda est’ poshlo mestechko Tarutino v Budzhake* [An Essay on a Given Topic or Where the Town of Tarutino in Bujak Came from]. Artsiz: FOP Petrov O.S.
- Kuhn, W. 1934. *Deutsche Sprachinsel-Forschung. Geschichte, Aufgaben, Verfahren* [German Language Island Research: History, Tasks, Procedures]. Plauen i.V.: G. Wolff.
- Lozoviuk, P. 1998. Němečtí vystěhovalci z českých zemí a jejich jazykové ostrovy v jihovýchodní Evropě [German Emigrants from the Czech Lands and Their Language Islands in Southeastern Europe]. *Češi v cizině* 10: 39–87.
- Lozoviuk, P. 2008. *Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen* [Interethnics in

- the Academic Process: German Ethnography in Bohemia and Its Social Impact]. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.
- Lozoviuk, P. 2015. Necheshskie bogemtsy kak teoretiki etnichnosti i natsionalizma [Non-Czech Bohemians as Theoreticians of Ethnicity and Nationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 169–190.
- Lozoviuk, P. 2020. Mezhdru naukoj i ideologii. Istoriia nemetskoiazychnoi etnografii cheshskikh zemel' [Between Science and Ideology: History of German Speaking Ethnography of Czech Lands]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia* 65 (4): 1162–1185. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.409>
- Markov, G.E. 2004. *Nemetskaia etnologiia: uchebnoe posobie dlia vuzov* [German Ethnology: Textbook for Universities]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Münz, R., and R. Ohliger. 1998. Privilegierte Migration – Deutsche aus Ostmittel- und Osteuropa [Privileged Migration – Germans from East Central and Eastern Europe]. *Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte* XXVII: 401–445.
- Oltmer, J. 2010. Erster Weltkrieg [World War I]. In *Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts* [Encyclopedia of Expulsions: Deportation, Forced Resettlement and Ethnic Cleansing in 20th Century in Europe], edited by D. Brandes, H. Sundhaussen, and S. Troebst, 716–719. Vienna: Boehlau Verlag.
- Schieder, T., ed. 1957. *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa* [Documentation of the Expulsion of Germans from East-Central Europe]. Vol. III, Das Schicksal der Deutschen in Rumänien [The Fate of the Germans in Romania]. Berlin: Bundesministerium für Vertriebene.
- Schmidt, U. 2008. *Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer* [Bessarabia: German Colonists on the Black Sea]. Potsdam: Deutsches Kulturforum.
- Schott, A. 1842. *Die deutschen Kolonien in Piemont: Ihr Land, ihre Mundart und Herkunft. Ein Beitrag zur Geschichte der Alpen* [The German Colonies in Piedmont: Their Land, Dialect and Origin, A Contribution to the History of the Alps]. Stuttgart: J.G. Cotta'scher Verlag.
- Tolksdorf, U. 1987. Zum Stand der ostdeutschen Volkskundeforschung [On the State of East German Ethnographic Research]. In *Flüchtlinge und Vertriebene in der westdeutschen Nachkriegsgeschichte. Bilanzierung der Forschung und Perspektiven für die künftige Forschungsarbeit* [Refugees and Displaced Persons in West German Postwar History: Taking Stock of Research and Perspectives for Future Research Work], edited by R. Schulze, D. von der Brölie-Lewien, and H. Grebing, 196–200. Hildesheim: August Lax.
- Weber-Kellermann, I. 1959. Zur Frage der interethnischen Beziehungen in der Sprachinselvolkskunde [On the Question of Interethnic Relations in the Ethnography of Linguistic Islands]. *Österreichische Zeitschrift für Volkskunde* 62: 19–47.
- Weber-Kellermann, I. 1967. Probleme interethnischer Forschungen in Südosteuropa [Problems of Interethnic Research in Southeast Europe]. *Ethnologia Europaea* 1: 218–231.
- Weger, T. 2006. “Völkische Wissenschaft” zwischen Prag, Eger und München. Das Beispiel Josef Hanika [“Völkische Wissenschaft” between Prague, Eger and Munich: The Example of Josef Hanika]. In *Geschichtsschreibung zu den böhmischen Ländern im 20. Jahrhundert. Wissenschaftstraditionen – Institutionen – Diskurse* [Historiography of the Czech Lands in the 20th Century: Scientific Traditions – Institutions – Discourses], edited by C. Brenner, et al., 177–208. München: Collegium Carolinum.

- Weinmann, J. 1985. *Egerländer biografisches Lexikon*. Vol. 1 (A-M) [Egerländer Biographical Dictionary, Vol. 1 (A-M)]. Männedorf: J. Weinmann.
- Zückert, M. 2001. Josef Hanika (1900–1963) Volkskundler. Zwischen wissenschaftlicher Forschung und “Volkstumskampf” [Josef Hanika (1900–1963) Ethnographer: Between Scientific Research and the “Volkstumskampf”]. In *Prager Professoren 1938–1948. Zwischen Wissenschaft und Politik* [Prague Professors 1938–1948: Between Science and Politics], edited by M. Gletter and A. Mišková, 205–220. Essen: Klartext.